

Обновленная социальная политика и «религиозный ренессанс»

Назрело обсуждение проблем отечественной социальной политики, задач дальнейшего ее развития. Это обусловлено целым рядом обстоятельств.

Во-первых, существенно изменились запросы общества в отношении проводимой социальной политики. Прежде всего усложнились требования к ней со стороны тех слоев и групп нашего общества, для которых высоко значимы вновь обретенные идентичности, в первую очередь идентичность религиозная. Для непредвзятого исследователя очевидно, что в предшествующие десятилетия заметно расширился круг сограждан, для которых их религиозная идентичность является основой смысложизненных ценностей. Невозможно игнорировать и изменения запросов к социальной политике со стороны слоев и групп, необходимым условием жизни которых является соблюдение национальных и культурных традиций.

Во-вторых, идет пересмотр базовых оснований социальной политики, реализуемой в нашей стране. Начался, но далеко не завершен отход от либеральной догматики, следование которой вело к заимствованиям институтов и инструментов по критериям верности либерализму.

В-третьих, существенно возросла значимость социальной политики в структуре приоритетов общественного развития. В общественном дискурсе утверждается ее значение для успешного ответа на вызовы и угрозы, для национального успеха России. Социальные ресурсы, их наращивание, повышение качества – необходимое условие обеспечения национальной конкурентоспособности, устойчивого интенсивного экономического роста. Без этого нас ждет национальное поражение, с соответствующими последствиями для исторических судеб Отечества.

Меняется и понимание нравственно-этического смысла социальной политики. Растет осознание, что в этом секторе реализуются ценности социальной справедливости. Социальная справедливость проходит постоянные испытания в социальном секторе. Нарушения ее норм в системах ЖКХ, образования, здравоохранения, культуры, трудовых отношений и социальной помощи остро воспринимаются во всех группах российского общества. В результате качество функционирования социального сектора становится адекватным индикатором справедливости всего социального устройства и, соответственно, значимым фактором легитимации государственной власти.

Нравственно-этическое измерение этого сектора обретает все большее значение: социальная справедливость – высоко значимая традиционная ценность россиян. Она – необходимая составляющая базового нравственного син-

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений.

Email: i.diskin@oprfr.ru

теза, скрепляющего наше общество, отмечал Его Святейшество Патриарх Кирилл [6].

Социальные перемены и нравственный фундамент

При обсуждении целей и задач социальной политики следует учитывать влияние предшествующего этапа жизни страны – 1990-х и начала 2000-х годов. Социальные перемены 1990-х были связаны с разрывом «социального контракта», действовавшего в советскую эпоху. При всех его недостатках, связанных прежде всего с этатистской ориентацией, практически полным забвением нравственно-этического измерения общественного развития, этот контракт обеспечивал определенную социальную стабильность, удовлетворение насущных запросов большинства сограждан.

«Советский контракт» был ориентирован на решение наиболее острых социальных проблем тех слоев и групп, которые рассматривались в качестве «социально близких», «имеющих большое значение для политического, экономического и социального развития». Естественно, что «номенклатура» была из них главным.

Длительный период функционирования данного контракта делал его, «привычным», вполне «комфортным» для большинства. В силу этого его разрыв оказался столь драматичен. Он привел к крайне серьезным социально-психологическим последствиям (см. рис. 1) [9, с. 36]. Как видно из приведенных данных, привычный, довольно стабильный мир россиян рухнул.

Одновременно кардинально изменилось и ситуация в социальном секторе. Начавшиеся в 1990-х радикальные экономические преобразования были ориентированы прежде всего на достижение «финансовой стабильности» путем резкого сокращения бюджетных расходов. Первыми «под нож» попали расходы на вооруженные силы и социальный сектор. К ним добавились последствия галопирующей инфляции. Работники социальной сферы были поставлены за грань выживания.

Со времени Э. Дюркгейма важным интегральным индикатором социальной дезинтеграции является показатель уровня самоубийств [4, с. 195]. В условиях массового разрыва социальных связей, утраты надежды на поддержку общества, прежде всего «родных и близких», все больше людей, не имеющих прочной нравственной опоры, в своем отчаянии не находят выхода и совершают самоубийства. Нарастающий общественный распад 1990-х достиг своего предела к 1995 году, когда в России был поставлен позорный рекорд – уровень самоубийств достиг 40 случаев на 100 тыс. человек.

Разрыв «социального контракта» вызвал деморализацию и в среде самих работников социальной сферы. Прежде значимые ценности социального служения, декларируемый советской властью высокий социальный статус ученых, работников образования, здравоохранения и культуры выступали компенсаторами низкого уровня оплаты труда. Теперь же социальные бедствия, выпавшие на долю работников социальной сферы, усугублялись падением их социального статуса, превращением в изгоев.

Перемены в общественной атмосфере, распространение цинизма, ценностей наживы изменили нравственный климат учреждений социальной сферы. Среди части сотрудников стали формироваться представления о возможности приватизации ресурсов этих учреждений. Именно в этот период стали массовыми поборы с родителей в школах, вымогательства за сдачу зачетов и экзаменов. По сию пору открыто размещаются объявления о продаже контрольных и дипломных работ, рефератов и даже диссертаций. Скромные подарки врачам и учителям сменились поборами, соизмеримыми с объемом бюджетных ас-

Какие негативные чувства вы чаще всего испытывали/испытываете?

Один ответ по каждой позиции, закрытый вопрос, %

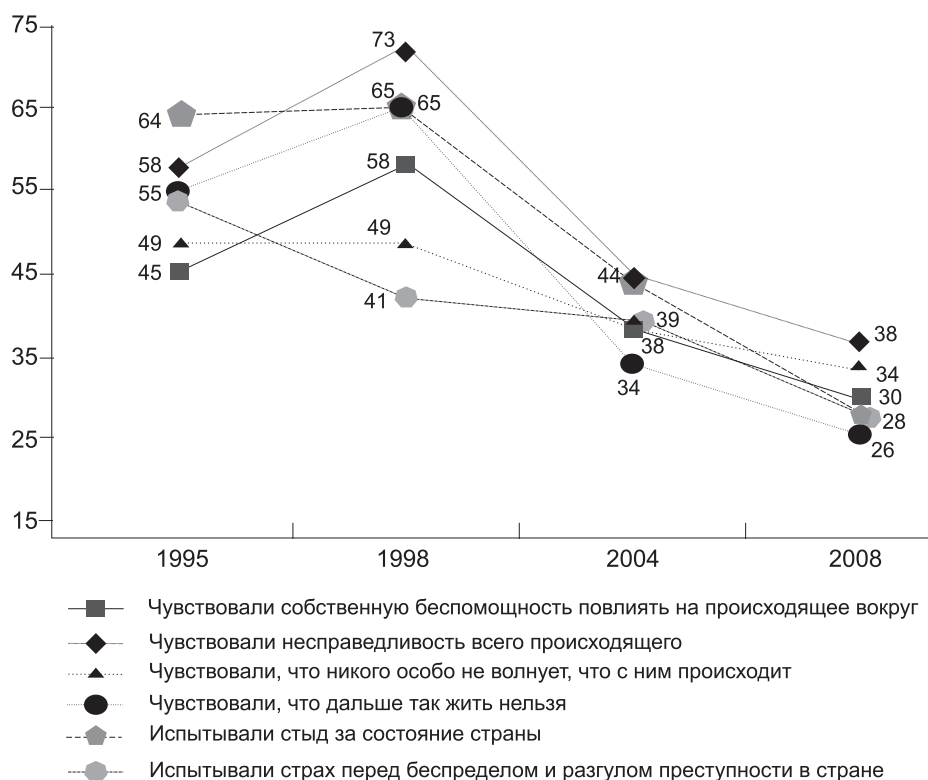

Рис. 1. Чего боялись россияне

сигнований на социальные нужды и крайне обременительными для малообеспеченных. «Теневые» расходы в социальной сфере стали значимым фактором социальной дифференциации, роста социальной несправедливости. Те работники социальной сферы, которые продолжали следовать своему долгу и профессиональным обязанностям, тратили все силы на борьбу за выживание и за поддержание сколько-нибудь пристойной работы своих учреждений.

С началом 2000-х годов стали предприниматься изменения в социальной политике. Сказались экономический рост и увеличение бюджетных возможностей. Однако рост этих возможностей далеко не сразу привел к результатам. Сказывались огромные масштабы коррупции, широко распространенные негативные установки работников.

В государственной социальной политике сохранялись прежние этатистские установки, предполагающие, что решение проблем социального развития возможно прежде всего за счет создания и функционирования государственных и муниципальных учреждений, а повышение эффективности функционирования социальной сферы – за счет единых для всей страны стандартов. Использование единых стандартов в крайне многообразных условиях вело к появлению новых противоречий в социальных отношениях. Оценка же эффективности осуществлялась по формальным показателям.

Но следует отдать должное – такой подход всё же обеспечивал решение наиболее острых проблем. Например, удалось существенно продвинуться в решении такой проблемы, как младенческая смертность. Если к концу 1990-х Россия скатилась к показателям развивающихся стран, то к настоящему времени коэффициент младенческой смертности достиг 6,5 случая на 1000 родившихся – это показатель стран с уровнем социально-экономического развития, аналогичным российскому.

Создание сети центров высокотехнологичной медицины в федеральных округах и центрах регионов в разы повысило число высокотехнологических операций. Это заметно снизило смертность.

Много споров вызывают реформы в системе образования. Острые противоречия в этой системе вели практически к социальной сегрегации: выпускники школ на селе, в малых и средних городах почти не имели шансов поступить в ведущие вузы. «Ответом» стал проект ЕГЭ, который по сию пору вызывает острейшие споры.

Для того чтобы полнее оценить этот проект, возможность альтернативных подходов, важно представить соответствующую этическую диспозицию в нашем обществе. О ней свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного под руководством автора в 2015 году (см. рис. 2) ¹.

Рис. 2. Нравственная диспозиция в отношении списывания

Вполне очевидно, что в условиях, когда списывание социально одобряемо, а борьба с ним осуждается подавляющим большинством, когда трудно рассчитывать на принципиальность учителей, – для оценки качества подготовки приходится использовать довольно радикальные инструменты. При всех недостатках ЕГЭ создало предпосылки для доступа наиболее талантливых выпускников периферийных школ в самые престижные вузы страны.

Гораздо менее убедительны результаты внедрения «Болонской системы». Использование ее принципов расширило возможности для работы наших выпускников за рубежом, облегчилась сравнительная оценка качества образования в наших вузах. Однако до настоящего времени ведется острейшая дискуссия относительно последствий новой системы для подготовки выпускников по математике, физике и другим базовым дисциплинам. Прежде высокое качество подготовки наших выпускников по этим дисциплинам обеспечивало их широкий междисциплинарный кругозор. Автор в компаниях Силиконовой долины не раз

¹ Результаты исследования получены в ходе реализации социально значимого проекта «Гражданские ценности и социальные институты» Межрегиональной общественной организации по изучению проблем социально-экономической и политической жизни общества «Совет по национальной стратегии». При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17 января 2014 года № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

слышал: «Если нужно решить трудную задачу, зовите индийцев, если невозможную – русских». Недостатки нынешней базовой подготовки будут сказываться всё больше.

По мере снижения остроты социального кризиса все отчетливее проявлялось противоречие между идеологическими основаниями социальной политики, которыми продолжали руководствоваться государственные органы, и реальными социальными проблемами. Игнорирование социальной реальности, складывающихся проблем и противоречий – застарелая болезнь отечественной социальной политики многих последних десятилетий.

Эта идеологизированная глухота к социальным переменам буквально вопиет, если учесть масштаб макросоциальных перемен, произошедших за полвека, в особенности за последние два десятилетия. Следует напомнить, что лишь в 1970 году горожане стали большинством населения. «Хрущевки» радикально изменили жизненный уклад, создали стандарты приватности. Среднее, а теперь уже и высшее образование стало жизненным стандартом. Подключение к каналам СМИ, а сегодня и к Сети расширило социальный и культурный кругозор большинства. В последние советские десятилетия шло стремительное разрушение традиционных социальных отношений. Снижалось влияние прежде значимых регуляторов: трудовых коллективов, соседей, формальных институтов – партии, профсоюзов, комсомола и т.п.

Радикальные экономические перемены последних десятилетий существенно ускорили процессы социальной трансформации. Стало заметно развитие индивидуальных предпочтений, стремление к рационализации жизни. Подтверждением этого являются результаты следующего социологического исследования (см. рис. 3).

Рис. 3. Чем руководствуются россияне в трудной ситуации

Обращение к собственным убеждениям и принципам – самый массовый ответ. Впрочем, и другие ответы ведут к источникам этих убеждений и принципов – нормам морали, нормам религии.

Важно, что разрушение прежде значимых норм вызвало мощный процесс поиска «новых» идентичностей, прежде всего этно-национальных и религиозных.

Новые идентичности и религиозный ренессанс

Если на политической авансцене 1990-х и начала 2000-х выраженно проявлялись межнациональные напряжения и этнократическая активность части региональных элит, то в массе российского общества шел процесс обретения религиозной идентичности. Этот процесс получил название религиозного ренессанса. Его признаком стало не только массовое участие граждан в религиозных мероприятиях, но и тесная связь национальной и религиозной идентичностей.

Самоидентификация большинства населения с православием в качестве культурной и социальной идентичности создает мощные связи личности с русской культурой, русской цивилизацией. «Новая» православная идентичность современных россиян... объединяет людей различного социального, демографического, образовательного или возрастного статуса. Постсоветский человек свободен от жесткого социального контроля в вопросах веры, и его выбор детерминирован только собственными духовными потребностями. В конечном счете именно духовные потребности и собственный опыт веры и вероисповедания конституируют сакральное ядро православной идентичности, а внешняя ее оболочка, сотканная культурными символами и практиками, адаптирует этот опыт в социальном мире, «социализирует» его» [5, с. 146].

В этой связи следует особо выделить эволюцию значительной части нашей интеллигенции. Путь отца Сергия Булгакова «от марксизма к идеализму», то есть к православию [1], повторили многие тысячи, изменив в значительной мере интеллектуальный климат церковного народа.

Рассматривая взаимовлияния макросоциальной трансформации, ведущие к индивидуализации и рационализации, с одной стороны, с религиозным ренессансом, с развитием религиозной идентичности – с другой, следует отметить качественно новые основания религиозности. В становлении религиозности существенно снизилось влияние «инерции»: следование религиозным нормам в результате традиции, примера родителей, непосредственного окружения. Все большую роль играет личный выбор. Результат – более глубокая нравственная, эмоционально переживаемая приверженность религиозным ценностям и нормам.

Неизбежным следствием религиозного ренессанса является появление групп неопитов, которые, как всегда и бывает, характеризуются энергичным религиозным рвением, фундаменталистским (не путать с экстремистским) отношением к собственным религиозным верованиям, к поведению окружающих, которое в ряде случаев воспринимается неопитами как оскорбляющее их религиозные чувства. Этот процесс является следствием появления в обществе значимых групп с высокими религиозными нормами. И определенные эксцессы неизбежны.

В качестве примера таких эксцессов можно привести возмущение в православных кругах постановкой оперы Р. Вагнера «Тангейзер» в Новосибирске, где довольно вольное обращение с классическим либретто сочеталось с двусмысленным использованием символов, священных для христиан. Этот пример не единственный. В Комиссию Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений приходят обращения граждан с примерами, трактуемыми как игнорирование религиозных норм, а то и оскорбление религиозных чувств. Так, в Липецкой области переводные экзамены были назначены на субботу, что лишало нескольких учениц возможности их сдавать.

Проблема в том, чтобы найти адекватные ответы на эти вызовы, не допустив при этом разрастания конкретных проблем в значимые социально-нравственные напряжения и социально-политические противоречия.

Назрел содержательный поворот в социальной политике, соответствующий новому этапу общественного развития. Ориентиром для такого поворота является снижение уровня социальной дезинтеграции. Все больше людей задумывается не только о том, на что жить, но и о том, зачем жить. Этому есть объективное подтверждение. Выше мы уже указывали на значение показателя уровня самоубийств. С 1995 года оно снизилось почти в 2,5 раза и составляет 17 случаев на 100 тыс. человек¹.

Новые принципы, новые ориентиры

Имеющиеся высокие запросы и требования ряда социальных групп, а также открывшиеся новые возможности развития социального сектора – всё это сформировало в России императивную необходимость адекватной адаптации принципов и ориентиров социальной политики.

Императивный характер такой адаптации связан с тем, что отказ или даже уклонение от нее может нанести ущерб смысложизненным ценностям упомянутых групп. Соответственно, заметная часть общества с высокой нравственно-этической чувствительностью не будет рассматривать проводимую государством социальную политику в качестве политики легитимной. Нравственно-этический ущерб, наносимый недостаточно продуманной социальной политикой, чреват болезненными эмоционально-психологическими травмами для значимой части граждан. Вряд ли это входит в намерения действующей власти. Гуманитарные основания социальной политики не позволяют ответственному государству сознательно принять подобный подход.

Такие травмы способны повлечь за собой формирование фундаменталистских (если не экстремистских) установок у большого числа людей, для которых их религиозная идентичность не просто высоко значима, но является смыслом жизни. Это также определяет императивный характер обсуждаемого поворота в социальной политике.

Содержанием такого поворота должно стать нравственное измерение социальной политики. Долгие годы, даже ранее советского периода, социальная политика (и не она одна) исходила из фундаментального представления, что содержание жизнедеятельности индивидуума определяется по преимуществу внешними обстоятельствами. В силу этого цели и приоритеты социальной политики измерялись формальными, так называемыми объективными показателями. Мысли и чувства людей, будучи показателями субъективными, как правило, игнорировались.

Уже более ста лет в отечественной общественной мысли формировалась альтернатива, связанная с приматом нравственно-этического измерения политики. Но прорыв «Вех», авторы которых выдвинули новые принципы, был не просто проигнорирован, но жестко отвергнут всей «передовой» русской интеллигенцией самых разных политических оттенков.

П.Б. Струве настаивал: «Само положение “политики” в идейном кругозоре интеллигенции должно измениться... Ибо в основу и политики ляжет идея не внешнего устройства общественной жизни. А внутреннего совершенствования человека» [8, с. 146].

Здесь я поспорил бы с одним из лидеров «Вех». Безусловно, нравственное совершенствование должно стать важнейшим политическим приоритетом, но оставлять без внимания «внешнее устройство общественной жизни» безответственно. Современная социальная наука твердо усвоила – плохие законы развращают общественные нравы. Эффективная политика требует, чтобы очи-

¹ Данные Федеральной службы государственной статистики за 2015 год.

щение общественных нравов шло рука об руку с совершенствованием формальных институтов.

Рассматриваемый поворот в основаниях социальной политики ориентирован на включение в ее критерии и ориентиры нравственно-этического измерения. Он должен быть не доктринерским, основанным лишь на спекулятивных рассуждениях, а достаточно предметным и показательным. В этой связи Комиссия Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений рассматривает в качестве одного из своих приоритетов экспертизу различных элементов социальной политики на предмет их соответствия новым требованиям [3, с. 18]. Предстоит большая работа, и начинать ее должно гражданское общество, способное оградить эти усилия от антиэтатистских фобий, продвинуть вперед сотрудничество государства и общества в развитии новых подходов к социальной политике.

Этическое измерение функционирования приобретает особое значение при развитии тех институциональных элементов, где слабо работают формальные процедуры, но востребована человеческая оценка деятельности. Прежде всего там, где речь идет о таланте и способностях, выявление и пестование которых – необходимое условие успешного развития страны. Без формирования необходимой этической базы такие остро необходимые институты быстро превратятся в своего рода «биржи», где состязаться будут не гении и таланты, а деньги и связи. Вместо ресурса развития мы получим «пузырь».

Реалистичность и практичность обновленной социальной политики должны базироваться как на анализе зон повышенной социальной озабоченности религиозной общественности, так и на предвидении реакции на возникающие ситуации со стороны других активных слоев и групп, в значительной мере определяющих социальную ситуацию в целом. Недостаток социального предвидения ведет к серьезным рискам. Рассматриваемый поворот в социальной политике связан не только с удовлетворением социальных запросов религиозно ориентированных слоев и групп. Он также влечет за собой энергичную реакцию тех, чья трактовка секулярности чревата игнорированием законных интересов других граждан, интересов, связанных с религиозно-нравственными установками.

Конфронтационное противоборство – исполнение мечтаний радикальной оппозиции. Ряд ее идеологов уже высказывали тезис, согласно которому лозунг защиты светского характера государства, формирование на этой основе новой общественно-политической диспозиции – перспективный сценарий расширения поддержки сил, ориентированных на радикальные политические трансформации.

Исходя из обозначенных выше посылок, развитие социальной политики, удовлетворяющее современным требованиям, возможно на основе обобщения практики реализации отдельных элементов такой политики. В этой связи следует прежде всего отметить проект «Материнский капитал», который успешно реализуется в России с 2007 года в качестве меры материальной поддержки семей, имеющих двух и более детей. Важно, что при введении этой меры указывалось на ее значение для повышения социального статуса женщин, которые получением этого «капитала» вносят немалый вклад в благосостояние своих семей. Увязка успешных по своим результатам мер материальной поддержки с социальным измерением семейной жизни, с решением важной проблемы поддержки общественного статуса женщин – пример новых подходов в социальной политике.

Качественно иной, не связанный с материальным измерением пример реализации социальной политики, – реакция на тяжелые психологические проблемы, возникающие в «домах скорби» (детских хосписах, детских боль-

ницах с тяжелыми заболеваниями, онкоцентрах). Там – крайняя нужда в психологической помощи несчастным родителям, дети которых либо умирают, либо находятся на краю смерти. Недавно подготовлено пособие, разработанное с участием представителей основных религиозных организаций, в котором даются ответы на вопросы, на переживания родителей, в стремлении помочь им избежать полного отчаяния, как-то пережить жизненную трагедию [2].

На основе этой разработки наша Комиссия предлагает создать стандарт взаимоотношений персонала с родителями и детьми в «домах скорби». Это пример, когда нравственное измерение социальной политики не менее, если не более важно, чем значимые материальные меры социальной политики.

Другим актуальным фокусом социальной политики, находящимся на стыке институциональных и нравственно-этических проблем, являются аборты. Безусловно, высокий показатель аборт, производимых в нашей стране, существенно превышает показатели стран с сопоставимым уровнем социально-экономического развития, – национальный позор. Нельзя не согласиться с позицией Русской Православной церкви: свобода абортов не может быть социальной нормой. Однако решение этой, одновременно социальной и нравственно-этической проблемы – непростая задача. И здесь вряд ли можно согласиться с предложениями ряда церковных деятелей исключить аборты из числа услуг, оказываемых через систему ОМС. По-человечески понятно – трудно согласиться, чтобы бюджетные средства использовались на цели, которые противоречат твоим нравственным представлениям.

Однако следует учитывать и последствия. Нужно представить себе ту жуткую ситуацию, в которой оказались бы беременные молодые женщины, решившиеся на аборт. Они, как правило, не замужем, принадлежат к бедным слоям и к тому же нравственно дезориентированы. Лишение бюджетных ресурсов приведет их в отчаянную ситуацию, из которой только один шаг до непоправимого. Вряд ли такая перспектива – цель нравственной социальной политики. Очевидно, что такие меры станут предметом политических спекуляций направленных, на дискредитацию Русской Православной церкви.

Консультации, проведенные в рамках нашей Комиссии, позволяют предложить иной подход. Условием использования средств ОМС на проведение аборта должно стать согласие беременной на откладывание этой операции до встречи (по их выбору) со священником, муллой, раввином или же светским психологом. Таким образом, остается шанс, что женщину удастся убедить отказаться от пагубного решения. Но введение такой меры должно сопровождаться целой системой мер поддержки молодых матерей, включающей прямую материальную поддержку нуждающихся, а также, при необходимости, их профессиональную подготовку, с тем чтобы молодые мамы могли найти работу и справиться с немалыми социальными и экономическими трудностями. Представляется, что такой подход более отвечает новым принципам и позволит существенно снизить число абортов, а главное – изменить нравственно-этическую диспозицию, включить религиозные институты в общую систему обновленной социальной политики.

Общим принципом обновленной социальной политики должна стать установка на исключение ситуаций, наносящих урон религиозным и нравственным чувствам. В приведенном выше примере такой ситуации (постановка оперы «Тангейзер») в результате реализации произвольных, либертарианских, представлений о свободе творчества создается угроза общественного противостояния. Эффективная социальная политика призвана не допускать оскорбления религиозных и нравственных чувств и купировать потенциал социальной напряженности.

Поиск решений

Решение этой задачи невозможно путем ограничения свободы творчества. Это недальновидно как с точки зрения общественного развития в целом, которое суть динамичное творческое развитие, так и с точки зрения защиты конституционного права на свободу творчества.

Сегодня эта задача осложняется разного рода идеологизированными спекуляциями. В ее решении было бы логично использовать удачный зарубежный опыт. Так, например, в знаменитом археологическом музее Неаполя, где хранятся, в том числе, сокровища Помпей и Геркуланума, есть несколько залов, вход в которые предваряет табличка: здесь находятся артефакты, которые могут оскорбить религиозные и нравственные чувства посетителей; не рекомендовано для посещения детей. В этих залах выставлены артефакты, демонстрирующие римские сексуальные практики, по меньшей мере скандальные для не подготовленного посетителя. Предупреждающие таблички позволяют отграничить социальные пространства, предназначенные для тех посетителей, чьи чувства не будут здесь ущемлены.

Схожие подходы, основанные на разграничении социальных пространств, используются и в нашей стране, например, при посещении религиозных учреждений, при входе в которые висят требования (касающиеся, в том числе, одежды), которые необходимо соблюдать при посещении.

Принцип разграничения социальных пространств вполне отвечает требованиям обновленной социальной политики и позволяет профилактировать возможные социальные напряжения, избежать оскорбления религиозных и иных нравственных чувств. Реализация этого принципа требует осознания специфики нравственно-этических и корпоративных ценностей, регулирующих различные сектора общественной жизни.

Так, например, далеко не всегда осознаются различия в принципах жизни таких социальных секторов, как искусство, с одной стороны, и художественная культура – с другой. Искусство ориентируется прежде всего на сложившиеся профессиональные нормы и традиции, а его функционирование может быть достаточно изолировано от культурных запросов населения. Общественное же функционирование объектов художественной культуры, напротив, неразрывно связано с запросами, культурными и художественными представлениями различных слоев и групп, глубоко погружено в повседневную жизнь. В этом смысле, не искусство, а художественная культура принадлежит народу.

Такое понимание позволяет разграничивать обсуждаемые социальные пространства. Оно гарантирует свободу творчества, ограничивая распространение «спорных» артефактов профессиональными или хорошо подготовленными кругами. Широкое же общественное распространение артефактов художественной культуры предполагает оценку нравственно-этических последствий такого распространения, позволяющую избегать ненужных социальных напряжений и тем более эксцессов.

Однако проблема не может решаться только путем разграничения социальных пространств, созданием соответствующих социально-этических «анклавов». Важно решить и задачу установления нравственно-этических норм, которые должны соблюдаться в пространствах широкого общественного использования.

Мы все хорошо помним тот общественный резонанс, который имели случаи ритуальных жертвоприношений, совершаемых в общественных местах. Совместные усилия местных властей, исламского духовенства и субъектов гражданского общества привели к тому, что сегодня подобные эксцессы практически исключены.

Решение проблемы некризисного взаимодействия в общественных пространствах представителей слоев и групп с различными нравственно-этическими представлениями и культурными нормами требует прочной опоры – общественной нравственности. Исследования показывают, что в российском обществе хорошо различают, «что такое хорошо и что такое плохо». Другое дело, что массовое нравственное сознание, как показывают исследования, довольно противоречиво, зачастую находится под сомнительным влиянием, в том числе СМИ. Для того чтобы общественная мораль стала прочной опорой обновленной социальной политики, необходимы энергичные усилия гражданского общества. Прежде всего необходимы усилия духовных лидеров. В этой связи следует выделить проникновенную нравственную проповедь Святейшего Патриарха Кирилла. Телезрители Первого канала высоко ценят еженедельные передачи «Слово пастыря».

Консолидация массовых представлений о нравственности невозможна вне постепенной эволюции представлений о социальной справедливости. Выработка современных представлений о социальной справедливости, отвечающих как общепринятым нормам морали, так и реальным условиям и требованиям дальнейшего развития, – императив. Без этого крайне сложно строить этически приемлемые и одновременно эффективные институты. «Особое значение в этом контексте имеет утверждение идеала социальной справедливости, его новое осмысление с учетом накопленного нами исторического опыта» [7, с. 91].

В российском обществе распространен весь спектр представлений о социальной справедливости, сформированных воспитанием на шедеврах русской культуры, на сочувствии униженным и оскорбленным, но также и унаследованных от советского периода – декларативном равенстве для всех. Очевидны и заимствования из западных социальных доктрин, прежде всего идея «государства благосостояния», продукт экономического подъема второй половины XX века.

Все эти представления не вполне соответствуют современным отечественным реалиям, нуждам динамичного экономического и социального развития. Новый этап общественного развития требует поиска адекватной формулы социальной справедливости, приемлемой для различных групп, с их различающимися ценностями.

Представляется, что сегодня на основе анализа бытующих в общественном сознании представлений можно предложить следующую формулу: *равные права для всех; защита социально уязвимых; поддержка талантливых, активных и предприимчивых.*

При обсуждении новых задач социальной политики невозможно обойти миссию гражданского общества, включая его ведущие нравственно ориентированные силы, прежде всего Русскую Православную церковь. Миссия гражданского общества в новых условиях – утверждение культуры заботы о человеке, его повседневных нуждах – без чего не может быть уверенности в справедливости общественного устройства. Чистота в подъезде и на улице, дороги, по которым можно ездить, и тротуары, по которым можно ходить без боязни, вежливый и профессиональный персонал всех институтов, с которыми повседневно сталкиваются граждане, – наш большой дефицит и потому ориентир усилий гражданского общества.

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод, что выработка новых принципов и приоритетов социальной политики, создание и апробация эффективных ее инструментов – всё это требует общественной мобилизации, широкой обще-

ственной коалиции, включающей все активные и ответственные силы. Ядром такой коалиции должны стать общественные силы с обостренным нравственным чувством, с энергичным стремлением к воплощению в жизнь принципов социальной справедливости.

Исторический опыт нашей страны показывает, что успех в столь масштабных социальных начинаниях возможен лишь при императивном условии – Русская Православная церковь должна стать подлинным нравственным лидером этих перемен.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму: Сборник статей (1896–1903). СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1903.
2. Вопросы, на которые мы не знаем ответов: Пособие для специалистов паллиативной медицинской помощи детям, сотрудников хосписов, священнослужителей и волонтеров, работающих в условиях многоконфессионального общества. СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2015.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2015.
4. *Коллинз Р.* Четыре социологические традиции. М.: Территория будущего, 2009.
5. *Магун В.С., Дробижева Л.М., Кузнецов И.М.* Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006.
6. [Патриарх Московский и всея Руси Кирилл]. Слово главы ВРНС, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XVIII Всемирном русском народном соборе. URL: <http://www.vrns.ru/news/3393/#.Vsg97-Z9bIU>
7. *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.* Слово шестое: О свободе и справедливости // *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.* Семь слов о Русском мире / Сост. А.В. Щипков. М.: Всемирный русский народный собор, 2015.
8. *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости. 1990.
9. Чего опасаются россияне? Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Аннотация. В современной России назрел пересмотр оснований социальной политики. В результате глубокой социальной трансформации и дезинтеграции изменились основания социального действия, получили развитие индивидуализация и рационализация. В этих условиях начался поиск новых идентичностей, прежде всего этнической и религиозной. Сформировались слои и группы, для которых эти идентичности являются смысложизненными. Отказ в реализации их запросов может вести к тяжелым социальным последствиям, к радикализации позиций этих слоев и групп.

Пересмотр оснований социальной политики в большой мере базируются на преодолении последствий кризиса 1990-х годов. Пересмотр социальной политики связан с отказом от ориентации лишь на внешние, «объективные», условия жизни и с перефокусировкой на социальные и нравственно-этические результаты социальной политики. Такой пересмотр, наряду с изменением концептуальных оснований социальной политики, должен быть основан на обобщении успешного опыта применения новых подходов в решении социальных проблем.

Важной основой обновленной социальной политики является концепция социальной справедливости, отвечающей как массовым нравственным представлениям, так и новым социально-экономическим требованиям.

Ключевые слова: социальная трансформация, рационализация и индивидуализация, социальная политика, религиозная и этническая идентичность, нравственно-этические последствия.

Iosif Diskin, Ph.D. in Economics, Chairman, Commission on Harmonization of Interethnic and Inter-Confessional Relations, Civic Chamber of the Russian Federation.

E-mail: i.diskin@opr.ru

Renewed Social Policy and Religious Renaissance

Abstract. In contemporary Russia the need to revise the social policy fundamentals seems to be imminent. The profound social transformation and disintegration have changed the grounds of social action; have developed the individualization and rationalization. Under these circumstances the process of searching new identities, particularly, ethnic and religious, has commenced. As the result of such social changes certain social strata and groups have formed that find the essence of their existence in the said identities. The denial to gratify their demands may lead to serious social consequences and radicalization of the attitude of these groups and strata.

The revision of the social policy fundamentals is largely based on overcoming the consequences of the crisis in the 1990s. The revision of social policy is associated with giving up the practice of considering only the external “objective” conditions of life and refocusing on the social and moral-ethical results of the social policy. Such revision and changes in the social policy concepts shall be based on the synthesis of the successful experience of new approaches to solving local problems.

The concept of social justice is one of the key elements of the new social policy meeting both the standards of public moral principles and new socio-economic requirements.

Keywords: Social Transformation, Rationalization and Individualization, Social Policy, Religious and Ethnic Identity, Moral-Ethical Implications.